

ЧТО ПО ПРАВУ РОЖДЕНИЯ ДОЛЖНО БЫЛО СТАТЬ МОИМ

Мелодии
ЛЕЙН

ПОХИЩЕННАЯ
радостью

Мелоди Лейн

Похищенная раджпутом

<https://litres.ru/74040828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда махараджа Ишвар привозит в свою крепость похищенную княжну Нилавати, он уверен, что совершил блестящий тактический ход. Этот дерзкий поступок должен усмирить его врагов и укрепить его власть. Однако он и не подозревает, что привез в свой дом не только прекрасную пленницу, но и катализатор для клубка дворцовых интриг, которые давно змеились в тени. Появление Нилавати нарушает хрупкий баланс сил. Ревнивые наложницы, амбициозные придворные и коварные советники видят в ней угрозу или возможность. Каждый ее шаг отслеживается, каждое слово передается из уст в уста. Пока Нилавати пытается выжить и сохранить свою честь под давлением властного похитителя, она невольно оказывается в центре паутины заговоров, цель которых – свергнуть Ишвара с трона.

Содержание

Глава 1. Плененная гордость. Ишвар	4
Глава 2. Запах жасмина и страха. Нилавати	13
Глава 3. Доклад Хакима. Ишвар	20
Глава 4. Змея в саду. Нилавати	26
Глава 5. Ярость Каменного Орла. Ишвар	32
Глава 6. Мудрость Амриты. Нилавати	38
Глава 7. Победа с привкусом пепла. Ишвар	44
Глава 8. Книга и цветы. Нилавати	49
Глава 9. Ревность Васундхары. Ишвар	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мелоди Лейн

Похищенная раджпутом

Глава 1. Плененная гордость. Ишвар

Пыль дорог еще не осела на моих сапогах, но воздух в моих покоях уже был напоен ароматами сандала и жасмина, смывая с меня горечь долгой погони. Победа. Она имела вкус терпкого вина, которое сейчас наполняло мой граненый кубок, и цвет заходящего солнца, заливавшего резные каменные решетки-джали багрянцем. Моя крепость Амергарх, высеченная из самой скалы, несокрушимая и гордая, приняла меня обратно. И не одного.

Я сделал глубокий глоток, ощущая, как тепло растекается по жилам, умиряя боевой азарт. Все прошло как по нотам, расчерченным рукой умелого стратега. Короткий, дерзкий набег на земли старого шакала Махендры. Никаких осад, никаких долгих битв, истощающих казну и воинов. Я нанес удар прямо в сердце - забрал его единственную дочь, его сокровище. Княжну Нилавати. Теперь старик будет сговорчивее. Он либо примет мои условия, либо навсегда лишит-

ся наследницы, а его княжество - будущего. Блестящий ход. Мои советники, даже самые осторожные, вынуждены будут это признать.

Тяжелая дверь из тикового дерева отворилась, и двое моих лучших воинов ввели ее.

Мой трофей.

Я медленно поставил кубок на низкий столик, инкрустированный перламутром. Взгляд мой скользнул по ней, оценивая. Я ожидал увидеть сломленную, плачущую девушку, раздавленную страхом и позором. Боги, как же я ошибся.

Она была маленькой, почти хрупкой, особенно рядом с моими громадными воинами. Длинные, иссиня-черные волосы, обычно, должно быть, заплетенные в сложную прическу и украшенные жемчугом, сейчас были распущены и спутаны, падая волнами на плечи и спину. Простое сари нежно-зеленого цвета, дорожное, измятое, облегло ее изящную фигуру, не скрывая тонкой талии и высокой груди. Кожа ее, в отличие от бронзового загара моих женщин, была светлой, почти молочной, словно лепесток лотоса. Но все это меркло, стоило встретиться с ее глазами.

Огромные, невозможного, неправдоподобного ярко-сине-

го цвета. Как сапфиры, найденные в дальних северных горах. И в этих глазах полыхал такой огонь, такая яростная, неприкрытая ненависть, что я невольно усмехнулся. Не страх. Не мольба. Чистейшая, концентрированная ненависть.

- Оставьте нас, - мой голос прозвучал ровно и властно.

Воины поклонились и бесшумно вышли, притворив за собой створки двери. Мы остались одни. Тишину нарушало лишь потрескивание масла в светильниках да далекий крик павлина в садах.

Она стояла посреди моих покоев, гордо вскинув подбородок. Маленькая, но несломленная. Я поднялся, медленно обходя ее, словно хищник, изучающий свою добычу. Она не двигалась, лишь ее пальцы крепче сжали край сари. Я видел, как вздымается ее грудь от частого дыхания, которое она пыталась сдерживать.

- Княжна Нилавати, - произнес я, останавливаясь перед ней. Мой рост позволял мне смотреть на нее сверху вниз, и я упивался этим преимуществом. - Добро пожаловать в Амергарх. Отныне это ваш дом.

- Это моя темница, - выплонула она. Голос ее дрогнул, но не от страха, а от ярости. - А вы - мой тюремщик. Варвар,

не знающий чести.

Я рассмеялся. Этот смех родился в самой глубине груди, раскатистый и искренний. Она даже бровью не повела, только глаза ее потемнели, став похожими на грозовое небо.

- Честь? - я склонил голову набок. - Честь - это роскошь, которую могут позволить себе те, кому не нужно сражаться за свое право на жизнь. Твой отец, княжна, забыл об этом. Он счел меня слабым, счел, что может безнаказанно грабить мои караваны и подсылать ко мне убийц. Я лишь напомнил ему о законах этого мира.

- Законах диких зверей, - прошипела она.

- Именно, - я шагнул ближе, вторгаясь в ее личное пространство. Она отшатнулась, но уперлась спиной в резную колонну. Пути назад не было. - И в этом мире выживает сильнейший. Сегодня сильнее оказался я.

Я протянул руку и коснулся ее подбородка, заставляя поднять голову еще выше и смотреть мне прямо в глаза. Ее кожа под моими пальцами была как прохладный шелк. Она вздрогнула, но не отвела взгляда. В синей глубине ее глаз я увидел не только ненависть, но и отвращение. Это задело мое самолюбие куда сильнее, чем ее слова. Женщины моего

гарема смотрели на меня с обожанием, страхом или подобострастием. Но никогда - с таким презрением.

- Ты красива. Даже больше, чем говорили шпионы, - произнес я задумчиво, изучая тонкие черты ее лица. - Твой отец дорожит тобой. Это делает тебя ценным залогом.

Она резко дернула головой, пытаясь освободиться от моей хватки, но я лишь сжал пальцы крепче.

- Отпусти меня, пес!

- Не те слова ты выбираешь, дитя, - мой голос стал ледяным. - Ты больше не княжна, чьим капризам потакают слуги. Ты - моя пленница. Моя вещь. И твоя жизнь, как и твоя честь, теперь в моих руках.

- Моя честь умрет вместе со мной! - воскликнула она, и в ее глазах блеснули слезы ярости. - Я лучше брошусь с самой высокой башни этой твоей проклятой крепости, чем позволю тебе прикоснуться ко мне!

Ее слова были полны юношеского максимализма и отчаяния. Она и вправду верила в то, что говорила. Невинное, глупое дитя, воспитанное в тепличных условиях дворца своего отца. Она ничего не знала о настоящей жизни, о выживании.

Я отпустил ее подбородок и сделал шаг назад.

- Башни Амергарха высоки, а стража бдительна, - спокойно ответил я. - Глупых поступков я тебе совершить не позволю. Ты мне нужна живой и невредимой. Пока.

Я повернулся к ней спиной и подошел к столику, вновь наполняя свой кубок. Я чувствовал ее прожигающий взгляд на своей спине. Эта девочка была не просто красивой игрушкой. В ней был стержень, была гордость раджпутов. Это вызывало досадное, неуместное уважение.

- Я не крал тебя, дитя, - сказал я, не оборачиваясь. - Я забрал то, что по праву рождения должно было стать моим. Твой дед обещал твою руку моему отцу в знак союза наших домов. Твой отец нарушил это слово, предпочтя выдать тебя за сына делийского наместника. Он продал честь раджпутов за призрачную милость султаната. Я лишь восстановил справедливость.

Я обернулся. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых на миг ненависть сменилась растерянностью. Она не знала об этом. Конечно, старый лис Махендра не стал бы посвящать ее в свои грязные политические игры.

- Это ложь, - неуверенно прошептала она.

- Это правда, которую от тебя скрывали, - я осушил кубок.
- Но это не имеет значения. Теперь ты здесь. Тебе выделяют лучшие покои в зенане, предоставят служанок. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Единственное, что от тебя требуется - смирение.

- Никогда! - ее голос вновь обрел силу.

Я устало вздохнул. Этот разговор начинал меня утомлять. Победа принесла удовлетворение, но и усталость. Мне нужно было отдохнуть, а затем встретиться с советом, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

- Стража! - позвал я.

Дверь тут же открылась. Воины замерли на пороге.

- Отведите княжну в покои, приготовленные для нее в Южном крыле. Приставьте двойную охрану. Позовите главную евнуха, пусть подберет ей служанок из числа самых надежных. И проследите, чтобы ее накормили и принесли все для омовения.

Воины шагнули к ней. Нилавати попятилась, глядя на ме-

ня с отчаянием дикого зверька, попавшего в капкан. В ее глазах больше не было огня, лишь страх и мольба, которую ее гордость не позволяла облечь в слова. Этот безмолвный крик о помощи задел во мне что-то давно забытое. На мгновение мне захотелось отослать стражу и сказать ей что-то успокаивающее? Абсурд. Я - махараджа Ишвар Сингх, Каменный Орел Амергарха. Я не успокаиваю своих пленниц. Я их использую.

Она не сопротивлялась, когда воины взяли ее под руки и повели к выходу. Уже в дверях она обернулась и бросила на меня последний взгляд. В нем смешалось все: ненависть, страх, презрение и обещание грядущей бури.

Дверь за ней закрылась. Я остался один в наступившей тишине. Аромат жасмина в покоях, казалось, смешался с едва уловимым запахом полевых цветов, исходившим от ее волос. Я подошел к окну и посмотрел вниз, на раскинувшийся у подножия крепости город.

Я одержал важную победу. Я получил ключ к усмирению врага. Но, глядя в темноту, я почему-то думал не о политических выгодах, а о синих глазах, в которых полыхал огонь, способный однажды сжечь дотла и мою крепость, и меня самого. И эта мысль, вопреки всякой логике, была тревожной и странно волнующей.

Глава 2. Запах жасмина и страха. Нилавати

Каждый шаг по бесконечным коридорам этой каменной гробницы отдавался гулким эхом в моей голове. Руки воинов, что держали меня, были твердыми, как тиски, и я не пыталась вырваться. Вся моя воля, вся моя ярость были истрачены там, в покоях этого чудовища, махараджи Ишвара. Теперь внутри осталась лишь звенящая пустота и холодный, липкий страх.

Стены были из того же красноватого песчаника, что и вся крепость, видимая издалека. Они давили, душили. Резные арки сменялись узкими проходами, факелы в бронзовых держателях отбрасывали на стены пляшущие, уродливые тени. Воздух был пропитан незнакомыми запахами - терпкими благовониями, маслом для светильников, остывающим камнем и чем-то еще, неуловимо мужским и опасным - запахом власти и стали. Это был запах моего похитителя.

Наконец мы остановились перед массивной, окованной железом дверью. Один из стражей отодвинул тяжелый засов, и меня бесцеремонно втокнули внутрь. Дверь захлопнулась, и звук засова, вставшего на место, прозвучал как

смертный приговор.

Я осталась одна.

Я замерла посреди комнаты, не смея пошевелиться, и медленно обвела ее взглядом. Темница... но какая странная темница. Пол был устлан мягкими коврами с замысловатым узором. Вдоль стен стояли низкие диванчики-диваны, заваленные шелковыми подушками. В нише, закрытой тончайшей занавесью из муслина, угадывалось широкое ложе. Воздух был напоен сладким ароматом ночного жасмина, цветы которого стояли в медной вазе на столике из темного дерева. Через высокое окно, закрытое искусной каменной решеткой-джали, пробивался лунный свет, рисуя на полу причудливую паутину.

Это была не темница. Это была золотая клетка. И от этого осознания стало еще горше. Он не собирался морить меня голодом в подземелье. Он хотел сломать меня роскошью, показать, что даже в плену я буду жить так, как он пожелает. Он хотел отнять у меня даже право на страдание.

Слезы, которые я так отчаянно сдерживала, хлынули из глаз. Я упала на колени посреди комнаты, сотрясаясь от беззвучных рыданий. Отец что теперь с ним? Что он сделает? Пойдет ли войной на эту несокрушимую крепость, рискуя

последними воинами? Или... или смирится, чтобы спасти мне жизнь? Мысль о его унижении была острее любого кинжала. А моя честь? Что станет со мной? Этот варвар, Ишвар он смотрел на меня, как на вещь. Как на приз, который он выиграл. И в его черных, как безлунная ночь, глазах я не увидела ни капли жалости. Только власть и холодный расчет.

Я плакала, пока не кончились слезы, оставив после себя лишь головную боль и опустошенность. Я поднялась, чувствуя, как дрожат ноги. Нужно быть сильной. Княжна Раджпута не сдастся. Я подошла к окну и вцепилась пальцами в холодные узоры каменной решетки. За ней - пропасть. Крепость стояла на вершине скалы, и падение отсюда означало верную смерть. "Я лучше брошусь с самой высокой башни...", - эхом прозвучали в голове мои собственные слова. Он знал. Он потому и поместил меня сюда, где даже мысль о побеге была смешна.

Тихий скрип заставил меня обернуться. В стене открылась небольшая потайная дверь, и в комнату вошли три женщины. Две молодые служанки, испуганно опустив глаза, несли медные тазы с водой, полотенца и какие-то склянки. Впереди них шла женщина постарше, с гладко зачесанными седеющими волосами и пронизательным, усталым взглядом. Ее сари было из простого, но качественного хлопка, а движения - полны сдержанного достоинства.

- Княжна, - произнесла она, склонив голову. Голос ее был ровным, безэмоциональным. - Меня зовут Амрита. Я приставлена служить вам. Махараджа приказал приготовить для вас омовение и принести ужин.

Она указала на поднос с едой, который одна из девушек поставила на столик. Аромат пряного риса, чечевицы и свежее испеченных лепешек-чапати ударил в нос, заставив желудок мучительно сжаться. Я не ела со вчерашнего утра.

Но я лишь качнула головой.

- Я не буду есть его еду.

Амрита вздохнула, словно ожидала этого.

- Как прикажете, княжна. Но силы понадобятся вам.

Другая служанка разложила на диване одежду. Это было роскошное ленга-чоли из темно-синего шелка, расшитое серебряной нитью. Рядом лежали изящные украшения.

- И это я не надену, - мой голос прозвучал тверже, чем я ожидала. - Я не буду рядиться в шелка моего тюремщика.

Молоденькая служанка вздрогнула от моих слов и испуганно посмотрела на Амриту. Старшая женщина сохраняла невозмутимость.

- Это воля махараджи. Он желает видеть вас в подобающем виде.

- Тогда ему придется смотреть на меня в этом, - я указала на свое измятое, покрытое дорожной пылью зеленое сари. - Пусть видит, во что он превратил дочь князя Махендры!

Я видела, как в глазах Амриты на миг промелькнуло что-то похожее на уважение, но оно тут же исчезло.

- Вода для омовения готова, княжна. Позвольте нам помочь вам.

- Я сама, - отрезала я. - Оставьте все и уходите.

Амрита на мгновение замаялась, оценивающе глядя на меня. Затем кивнула служанкам.

- Оставьте. Мы подождем за дверью.

Когда они вышли, я подошла к тазу с теплой, ароматизированной лепестками роз водой. Унижение обжигало силь-

нее, чем кипяток. Они хотят смыть с меня пыль дорог, чтобы преподнести своему господину чистой и свежей. Я опустила руки в воду, смывая грязь с пальцев и лица. Каждое прикосновение к себе казалось осквернением. Я - Нилавати, дочь своего отца. Я - не игрушка для варвара.

Я не притронулась ни к еде, ни к одежде. Я села на жесткий диванчик у окна, обхватив колени руками, и стала смотреть сквозь решетку на далекие звезды. Они были те же, что и дома. Но они больше не дарили надежды.

Я не знала, сколько прошло времени. Тишина в комнате давила. Я слышала лишь стук собственного сердца. Я думала о его словах. "Твой дед обещал твою руку моему отцу...". Мог ли отец скрыть от меня такое? Или это очередная ложь, призванная сломить мой дух? Ответ утонул в пучине ненависти. Неважно, что было раньше. Важно то, что сейчас я здесь, в его власти, и каждая минута этого плена - пытка.

Я не сдамся. Я не буду есть. Я не буду носить его наряды. Я стану для него костью в горле. Я буду молчать, смотреть с ненавистью и ждать. Ждать шанса. На побег. Или на смерть. Это единственное, что он не смог у меня отнять. Мой выбор.

С этой мыслью я встретила свой первый рассвет в Америке, который окрасил небо за решеткой в кроваво-красный

ЦВЕТ.

Глава 3. Доклад Хакима. Ишвар

Удовлетворение от одержанной победы быстро сменилось привычной тяжестью власти. Пока моя синеокая пленница изучала свою золотую клетку, я сидел во главе длинного стола в зале совета, диване-кхас. Воздух здесь был спертый от напряжения и дыма масляных ламп. Лица моих советников и военачальников были непроницаемыми масками, но я умел читать скрытые течения в словах и взглядах. Я правил не потому, что был сыном своего отца, а потому, что знал своих людей лучше, чем они сами себя.

- Махараджа, - начал пожилой Раджендра, мой главный советник, поглаживая свою седую бороду. Его голос был сух, как песок пустыни. - Ваш ход был дерзким и, к счастью, успешным. Князь Махендра лишился своего главного сокровища. Но что дальше? Он старый лис. Он может обратиться за помощью к Дели. Пожаловаться султану, что раджпут напал на раджпута.

- Пусть жалуется, – отрезал я, постукивая пальцами по подлокотнику трона из резного сандала. - Султанат погряз в собственных распрях после смерти последнего султана. Наместникам сейчас не до проблем какого-то мелкого князя на окраине земель раджпутов. Они делят власть. Именно по-

этому я и нанес удар сейчас. Время - наш главный союзник.

Балвант, мой лучший полководец, человек, высеченный из камня и стали, согласно хмыкнул.

- Махендра не посмеет. Он слишком горд, чтобы признать свое поражение перед мусульманами. Он пришлет послов. Будет торговаться.

- И мы будем готовы, - подтвердил я. - Я потребую вернуть все земли, отнятые им у моего отца, выплатить дань за три года и публично признать мой сюзеренитет. Княжна Нилавати - гарант этого договора.

В зале повисло молчание. Я знал, о чем они думают. О женщине. О том, какую смуту она может принести.

- А если он откажется? - спросил казначей, маленький человек с бегающими глазками. - Содержать княжну это расходы. А война...

- Если он откажется, - я обвел их всех тяжелым взглядом, - то дочь его станет моей женой. Нашей законной махарани. Брак с ней укрепит мои права на его земли куда надежнее любого договора. И любой ребенок, рожденный от этого союза, станет неоспоримым наследником обоих княжеств.

Шепот пробежал по залу. Этот вариант я держал при себе до последнего. Жениться на дочери врага. Привести ее в свой дом, в свою постель. Сама мысль была... неприятной. Но политика требовала жертв.

Вспомнились ее глаза, полные ярости. Жена, которая ненавидит тебя до глубины души. Это может стать опасным. Но и в этом был свой вызов.

Совет продолжался еще долго. Мы обсуждали укрепление границ, отправку шпионов, состояние казны. Мои мысли то и дело возвращались к ней. К маленькой, хрупкой фигурке, бросившей мне вызов. Я отдал приказ окружить ее заботой и роскошью не из милосердия. Сломать ее дух можно по-разному. Голод и побои лишь закаляют гордых. А вот шелк, благовония и безделье размягчают, превращают волю в податливый воск. Я хотел, чтобы она поняла: ее жизнь теперь зависит от моей милости.

Когда совет наконец закончился, и я вернулся в свои покои, меня уже ждал Хаким, глава моей личной стражи и евнухов зенаны. Его лицо, как всегда, было лишено всякого выражения.

- Говори, - приказал я, снимая тяжелый тюрбан.

- Махараджа, княжна Нилавати отказалась от ужина. Она не притронулась к еде.

Я замер.

- Совсем?

- Ни крошки, повелитель.

- А одежда? Украшения?

- Она сбросила шелка на пол и заявила, что не наденет их. Также она отказалась от помощи служанок в омовении. Она не произнесла больше ни слова. Сидит у окна и смотрит в темноту.

Я усмехнулся. Упрямое дитя. Играет в мученицу. Это было ожидаемо, но все равно раздражало. Она была нужна мне живой и здоровой, а не истощенным призраком.

- Она думает, что может сломить меня голодовкой? Глупая девочка.

- Что прикажете, повелитель? - спросил Хаким. - Заставить ее силой?

Я задумался. Сила? Это было бы слишком просто. И это дало бы ей то, чего она ждет - подтверждение того, что я дикий варвар. Нет. Я буду действовать тоньше.

- Никакой силы. Уберите еду. Завтра утром принесите ей снова. И так каждый день. Пусть смотрит, пусть вдыхает ароматы, пока голод не станет сильнее ее гордости. Рано или поздно она сломается. Все ломаются.

Хаким поклонился и удалился.

Я остался один. В покоях все еще витал едва уловимый аромат полевых цветов, который она принесла с собой. Он диссонировал с тяжелым запахом сандала и мускуса, привычным для этого места. Я подошел к столику и налил себе вина. Вкус его показался пресным.

Что-то в этой девчонке не давало мне покоя. Не ее красота - в моем гареме были женщины и красивее. Не ее знатное происхождение. Ее дух. Несломленный, яростный. Она смотрела на меня не как на победителя, а как на досадное препятствие, которое нужно преодолеть. В ее синих глазах я увидел отражение своей собственной воли. И это одновременно восхищало и бесило.

Я должен был думать о политике, о врагах, о будущем своего княжества. А думал о том, как заставить одну-единственную девушку съесть тарелку риса.

Я резко поставил кубок. Довольно. Она всего лишь пешка в моей игре. Ценная, красивая, но пешка. И она будет двигаться туда, куда укажу я.

Я вышел на балкон. Ночной воздух был прохладен. Внизу, в садах зенаны, горели редкие огни. Где-то там, в Южном крыле, в своей роскошной комнате сидела она. Голодная. Упрямая. С сердцем и душой, которая полны ненависти.

И я вдруг понял, что эта тихая война, начавшаяся между нами, может оказаться куда более сложной и интригующей, чем война с армией ее отца. И победа в ней будет слаще. Я заставлю ее не просто подчиниться. Я заставлю ее признать мою власть. Добровольно. Это станет моим главным триумфом.

Глава 4. Змея в саду. Нилавати

Второй день в плену тянулся медленнее, чем вечность. Ночь почти не принесла сна, лишь тревожную, рваную дремоту, полную теней и воспоминаний о доме. С первым лучом солнца, просочившимся сквозь каменное кружево решетки, вернулась и боль. Тупая, ноющая боль в пустом желудке и острая, режущая - в душе.

Как и обещала Амрита, утром служанки вновь принесли поднос с едой. На этот раз это были легкие лепешки-пури, сладкий йогурт с фруктами и ароматный чай с молоком и специями. Запах был мучительно прекрасен. Он дразнил, искушал, обещал минутное утешение. Мое тело, преданное голодом, кричало, молило сделать хотя бы один глоток. Но воля, закаленная ненавистью, была тверже камня этих стен.

- Княжна, - голос Амриты был мягким, почти материнским. Она стояла у столика, не решаясь подойти ближе. - Вы губите себя. Махараджа не тот человек, которого можно сломить таким образом. Вы причиняете вред лишь себе.

- Это единственное, что еще осталось в моей власти - причинять вред себе, - ответила я, не поворачивая головы от окна. Мой голос был хриплым от жажды.

- Гордость - плохой советчик, когда речь идет о выживании, - тихо произнесла она.

- А покорность - плохой спутник для дочери раджпута, - отрезала я.

Амрита вздохнула и, сделав знак служанкам, оставила поднос на столике. Они снова ушли, оставив меня наедине с искушением. Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на лице отца, на гербе нашего рода. Я - Нилавати. Я не сдамся.

Прошло, должно быть, несколько часов. Я сидела на том же диванчике, слабея с каждой минутой. Голова кружилась, а в ушах стоял легкий звон. И в этой звенящей тишине я услышала, как за тяжелой дверью послышались шаги и приглушенные голоса. Засов отодвинули, но на этот раз звук был мягче, почтительнее.

Дверь отворилась, и на пороге появилась женщина.

Она была ослепительно красива. Высокая, статная, с кожей цвета топленого молока и глазами, черными и блестящими, как обсидиан. Ее пурпурное сари из тончайшего шелка было расшито золотом, а на шее, в ушах и на руках сверкали рубины, горевшие, словно капли крови. Движения ее

были плавными и полными осознания собственной власти. За ней, на почтительном расстоянии, замерли две служанки.

Она вошла в комнату, и воздух наполнился густым ароматом сандала и розового масла. Ее взгляд скользнул по комнате: по нетронутому подносу с едой, по сброшенным на пол синим шелкам, и, наконец, остановился на мне. В ее глазах не было ни сочувствия, ни злорадства. Лишь холодное, оценивающее любопытство, как у торговца, изучающего новый товар.

- Так вот она какая, - произнесла она вполголоса, но так, чтобы я услышала. Голос ее был мелодичным, как звон храмовых колокольчиков, но с ледяными нотками. - Дикий цветок, который привез махараджа.

Она медленно подошла и села на диван напротив, грациозно, как пантера. - Меня зовут Васундхара, - представилась она. - Я - старшая рани махараджи Ишвара.

Старшая жена. Значит, я не первая и не единственная. Эта мысль должна была бы принести облегчение, но почему-то лишь усилила чувство безысходности. Я попала в змеиное гнездо.

Я молчала, лишь крепче сжала край своего пыльного сари.

- Я пришла с миром, дитя, - продолжила Васундхара, и на ее губах появилась тень улыбки. - Этот дворец может стать для тебя раем или адом. Все зависит от того, насколько быстро ты усвоишь его правила. Первое правило - махараджа всегда получает то, что хочет. Твое упрямство его лишь забавляет. Пока что.

Она взяла с подноса кусочек манго и поднесла его к своим алым губам.

- Второе правило, - сказала она, прожевав, - в этой зенане много женщин. Красивых, знатных, хитрых. Все мы боремся за внимание одного мужчины. Ты - новенькая, и к тебе сейчас прикованы все взгляды. Тебе будут улыбаться в лицо и сыпать яд в еду за спиной.

Ее слова были произнесены так обыденно, что мороз пробежал по моей коже.

- Зачем вы мне это говорите? - выдавила я.

- Потому что я вижу в тебе не соперницу, а глупого ребенка, который может наделать ошибок, - она отложила фрукт. - Я могу стать твоей покровительницей. Научить тебя, как выжить здесь. Как угодить махарадже. Как обрести свое ме-

сто под этим солнцем. Взамен мне нужна будет лишь твоя... преданность.

Предложение было ясным, как день. Она хотела сделать меня своей марионеткой. Использовать меня в своих играх против других наложниц.

- Я не ищу покровительства, - тихо, но твердо ответила я.
- И уж точно не собираюсь никому угодать.

Васундхара рассмеялась. Короткий, холодный смех.

- Какая гордость. Она испарится после первой ночи в его постели. Он умеет укрощать строптивых. Поверь мне. А пока... - она встала, оправив складки своего роскошного сари,
- ...пока просто подумай над моими словами. И поешь. Худая и бледная, ты быстро ему наскучишь. А наскучившие игрушки здесь надолго не задерживаются.

Она развернулась и так же плавно, как и вошла, покинула мою комнату. Дверь за ней закрылась, вновь погрузив меня в тишину.

Но это была уже другая тишина. Я больше не была одна. В моей клетке появились невидимые тени других женщин, их ревнивые взгляды, их ядовитый шепот. Мой враг

был не только снаружи, в лице властного махараджи. Он был и здесь, внутри этих стен, и у него было красивое лицо и глаза цвета обсидиана.

Голод скрутил желудок с новой силой. Но теперь к нему примешивался новый, леденящий страх. Страх не только за свою честь, но и за свою жизнь.

Глава 5. Ярость Каменного Орла. Ишвар

Третье утро. Третий доклад Хакима, сухой и неизменный, как сводка о карауле на стенах: "Княжна Нилавати не приоткрылась к еде, повелитель".

Мое терпение, и без того невеликое, истончилось до предела. Эта девчонка превращала мой блестящий тактический ход в фарс. Мне нужен был здоровый, цветущий залог, а не бледный призрак, который может угаснуть от собственного упрямства. Старый лис Махендра будет только рад, если его дочь умрет в моей крепости. Это сделает меня в глазах всех раджпутов не воином, вернувшим свое, а подлым убийцей.

Я отбросил в сторону свиток с донесением шпиона. Довольно. Пассивная осада не сработала. Пора переходить к активным действиям.

- Я иду к ней, - бросил я Хакиму.

Лицо евнуха на миг дрогнуло от удивления. Махараджа никогда не посещал женщин в их покоях днем, тем более - пленницу, еще не введенную в зенану официально. Это было

нарушением всех неписаных правил.

- Но, повелитель...

- Выполняй, - оборвал я его.

Я шел по гулким коридорам Южного крыла, и моя ярость росла с каждым шагом. Стражники у ее двери вытянулись в струну, едва завидев меня. Я жестом приказал им отворить.

Дверь открылась без скрипа. Я вошел.

Комната была залита утренним солнцем. На столике стоял нетронутый завтрак. На полу валялись дорогие шелка, которые я приказал ей отдать. А у окна, спиной ко мне, в своем измятом дорожном сари сидела она. Ее фигурка казалась еще более хрупкой, чем при нашей первой встрече. Плечи поникли, но даже в ее силуэте читалось упрямство.

Она услышала мои шаги и медленно обернулась. При виде меня ее синие глаза расширились от испуга, но он тут же сменился знакомой, яростной ненавистью. Она поднялась, опираясь рукой о стену, и я заметил, как она пошатнулась от слабости. Это вызвало во мне не жалость, а новую волну раздражения.

- Твои игры закончились, княжна, - мой голос прозвучал жестко, разрезая тишину.

- Это не игры, - прошептала она. Губы ее были бледными и потрескавшимися. - Это все, что у меня осталось.

- У тебя осталась жизнь. И ты по глупости пытаешься ее лишиться, - я подошел к столику и взял в руки теплую лепешку-чапати. - Ты думаешь, твоя смерть создаст мне проблемы? Возможно. Но она станет концом для тебя. А я буду жить и править дальше. Твой отец погорюет и найдет себе нового наследника. Мир не заметит твоего исчезновения. Только ты проиграешь в этой бессмысленной войне.

Она молчала, глядя на меня снизу вверх. В глубине ее глаз плескалось отчаяние.

- Хороший воин знает, когда битва проиграна, - продолжил я, ломая лепешку. - Твоя битва проиграна. Прими это и начни жить по новым правилам. Моим правилам.

Я подошел к ней вплотную. От нее пахло пылью и упрямством. Я протянул ей кусок лепешки.

- Ешь.

Она отвернула голову, сжав губы в тонкую, упрямую линию.

- Я сказал, ешь, - повторил я, и в моем голосе зазвенела сталь.

Она не двинулась с места. Ярость, холодная и острая, пронзила меня. Я бросил лепешку на пол и схватил ее за подбородок, пальцы мои сомкнулись на ее нежной коже. Хватка была жесткой, заставляя ее посмотреть мне в глаза. Она вздрогнула, но не закричала.

- Ты будешь делать то, что я говорю, - прорычал я ей в лицо. - Ты будешь есть мою еду, носить мою одежду и жить в моем доме. Ты не пленница, которая может выбирать свою судьбу. Ты - моя вещь!

Я схватил со стола чашу с йогуртом и ложку.

- Открой рот. Она замотала головой, насколько позволяла моя хватка. В ее глазах стояли слезы - не страха, а бессильной ярости. Это взбесило меня еще больше.

- Открой рот, Нилавати! - приказал я, поднеся ложку к ее губам. - Или, клянусь всеми богами, я прикажу слугам держать тебя, а сам волью это тебе в глотку!

Она смотрела на меня, и я видел, как в ней борются гордость и инстинкт самосохранения. Я видел, как дрожат ее ресницы, как отчаянно бьется жилка на ее тонкой шее. И в этот момент, когда мое терпение было на исходе, по ее щеке скатилась одна-единственная слеза.

Она не всхлипнула, не зарыдала. Просто молчаливая, горячая слеза поражения.

И эта слеза потушила огонь моей ярости. Я вдруг осознал, как близко стою, как сильно сжимаю ее лицо, как грубо и позвериному себя веду. Я смотрел в ее огромные, полные слез синие глаза и видел не врага, не трофей, а отчаявшегося, до смерти напуганного ребенка.

Я резко отпустил ее. Она отшатнулась к стене, хватая ртом воздух. Я с грохотом поставил чашу на столик. Ложка упала на пол, и звон этот показался оглушительным.

Я сделал шаг назад, пытаюсь восстановить дыхание и самообладание. Что я творю? Я, махараджа Амергарха, воюю с голодной девчонкой.

- Завтра, - произнес я глухо, повернувшись к ней спиной, чтобы не видеть ее лица. - Завтра, когда принесут еду, ты

поешь. Это не просьба.

Я вышел из комнаты, не оборачиваясь, и со всей силы захлопнул за собой дверь. В коридоре я прислонился к холодной стене, сжимая кулаки. Я выиграл. Я сломал ее.

Но почему-то на языке у меня стоял не сладкий вкус победы, а горький привкус пепла.

Глава 6. Мудрость Амриты. Нилавати

Дверь за ним захлопнулась с такой силой, что, казалось, задрожали сами каменные стены моей темницы. Я осталась стоять, прижавшись к холодной стене, и все мое тело бил мелкая дрожь. Воздух все еще был наполнен им: его запахом сандала и металла, его обжигающим гневом, его властью. Место на моем подбородке, где его пальцы сжимали мою кожу, горело огнем унижения.

Я проиграла.

Эта мысль была острой и безжалостной, как лезвие кинжала. Вся моя гордость, все мое упрямство, все мои клятвы не покорятся ему - все рассыпалось в прах перед его грубой силой. Та единственная слеза, выкатившаяся из глаза против моей воли, была белым флагом, поднятым над руинами моей души. Я, княжна Нилавати, дочь воина, сломалась.

Я медленно сползла по стене на пол, не в силах больше стоять. Дрожь перешла в беззвучные рыдания. Я плакала не от страха, а от бессилия и стыда. Он видел мою слабость. Он упивался ею. Он ушел победителем, оставив меня раз-

давленной и униженной.

Прошло какое-то время, прежде чем я смогла заставить себя поднять голову. Взгляд мой упал на столик. На нетронутую еду. "Завтра ты поешь", - прозвучал в голове его приказ. Завтра. Он дал мне отсрочку, но не простил. Он просто отложил мое наказание, уверенный в том, что я подчинюсь. И самое страшное было в том, что он был прав. Я подчинюсь.

Потому что в его черных глазах я увидела не просто гнев, а ту холодную решимость, которая не остановится ни перед чем. Он бы действительно заставил меня есть силой, и это унижение было бы в тысячу раз хуже добровольной сдачи. Я поняла, что моя голодовка была детской игрой, а он - взрослый и жестокий игрок, которому эта игра наскучила.

Когда вернулась Амрита со служанками, я все еще сидела на полу. Она замерла на пороге, ее опытный взгляд мгновенно оценил обстановку: мое состояние, брошенную на пол лепешку, тишину, звенящую после бури. На ее лице не отразилось ни удивления, ни злорадства. Лишь тень сочувствия в усталых глазах.

- Княжна, - тихо позвала она.

Я не ответила.

Она подошла и опустилась передо мной на колени. Ее прикосновение к моему плечу было легким и осторожным.

- Вам нужно подняться. Нужно умыться.

Ее спокойный голос подействовал на меня отрезвляюще. Я позволила ей и другой девушке помочь мне встать и довести до диванчика. Мои ноги были ватными. Пока одна служанка убирала со стола, другая принесла свежей воды. Амрита сама смочила край мягкой ткани и бережно отерла мое заплаканное лицо.

- Вы приняли верное решение, княжна, - прошептала она так тихо, что только я могла слышать. - Жизнь - это самый ценный дар богов. И только живые могут бороться.

Ее слова были просты, но в них была мудрость. Мертвая, я никому не помогу - ни себе, ни отцу. Живая, я могу ждать. Наблюдать. Искать трещину в стенах этой тюрьмы.

На следующий день, когда принесли завтрак, я ела.

Я заставила себя взять в руки ложку. Каждый кусок обжигал горло стыдом, но я глотала. Я ела пряную кашу, пила сладкий чай, чувствуя, как тепло и сила медленно возвраща-

ются в мое измученное тело. Служанки старались не смотреть на меня, но я чувствовала их облегчение. Я подчинилась. Новость об этом разлетится по дворцу быстрее ветра.

Вместе с силой вернулась и ясность мыслей. Я вспомнила визит старшей рани, Васундхары. Ее сладкие речи и холодные, как у змеи, глаза. "Я могу стать твоей покровительницей... Взамен мне нужна будет лишь твоя преданность".

Теперь я поняла истинный смысл ее слов. Она пришла не из жалости. Она пришла посмотреть на новую игрушку махараджи, оценить меня. Она увидела мой бунт и, возможно, понадеялась, что я сама себя уничтожу. А когда поняла, что я могу выжить, предложила союз. Союз волка и ягненка. Она хотела использовать меня, мою ненависть к Ишвару, в своих собственных дворцовых играх.

Я сидела, перебирая в руках край простого хлопкового сари, которое Амрита нашла для меня по моей просьбе. Нет. Я не стану пешкой в руках этой женщины. У меня один враг - махараджа Ишвар. И если в этом змеином гнезде и появятся союзники, я выберу их сама. Или не выберу вовсе.

Я доела все до последней крошки. Когда Амрита пришла забирать поднос, она увидела пустые чаши. На ее лице впервые появилась слабая, едва заметная улыбка.

- Вам принести еще что-нибудь, княжна? Фрукты? Сладости?

- Нет, благодарю, Амрита, - ответила я. Мой голос окреп.
- Но я хотела бы попросить об одной услуге.

Она вопросительно посмотрела на меня.

- Я хотела бы книгу. Если это возможно. Любую. Сказания о богах, стихи... что угодно.

Амрита на мгновение застыла в изумлении. В этих стенах женщины просили украшения, шелка, сладости. Книги были редкостью.

- Я спрошу у Хакима, - наконец ответила она, склонив голову. - Я доложу о вашей просьбе.

Когда она ушла, я подошла к окну. Мир за решеткой остался прежним. Но я изменилась. Моя гордость была растоптана, но на ее месте зародилось нечто иное. Холодная, расчетливая решимость выжить. Я буду есть его еду, чтобы жить. Я буду читать книги, чтобы мой разум оставался острым. Я буду носить простую одежду, чтобы помнить, кто я.

Я больше не буду биться головой о каменные стены. Я буду искать потайную дверь.

Глава 7. Победа с привкусом пепла. Ишвар

Я покинул ее покои, оглушенный собственным гневом и странным, мутным чувством, которому не было названия. Хлопок двери эхом отозвался в пустом коридоре и в моей голове. Я шел быстро, почти бежал, словно пытаюсь оторваться от образа, выжженного на внутренней стороне века: ее огромное, потемневшее от ужаса и ненависти глаза, и одна слеза, медленно ползущая по бледной щеке.

Эта слеза... Она сделала то, чего не смогли бы сделать ни крики, ни мольбы, ни проклятия. Она остановила меня. В один миг я перестал быть махараджей, умиротворяющим строптивую пленницу, и увидел себя со стороны: огромный, разъяренный мужчина, угрожающий силой накормить полуживую от голода девочку. Картина была отвратительной.

Я ворвался в свои покои и залпом осушил кубок с вином, стоявший на столе. Напиток не принес ни облегчения, ни опьянения. Я чувствовал себя так, словно только что проиграл важную битву, хотя по всем признакам - выиграл. Она подчинится. Завтра она будет есть. Я добился своего. Но цена этой победы оказалась неожиданно высокой. Я потерял

часть уважения к самому себе.

Я вышел на балкон. Крепость жила своей обычной жизнью: внизу во дворе муштровали новобранцев, из кухонь тянулся дым, где-то далеко пел мулла, призывая правоверных к молитве. Все было как всегда. Но внутри меня царил хаос.

Я всегда считал себя справедливым правителем. Жестким, да. Беспощадным к врагам, да. Но не тираном-самодуром. Я брал то, что принадлежало мне по праву, наказывал за предательство и вознаграждал за верность. Мои действия всегда были продиктованы логикой и государственной необходимостью. Похищение Нилавати было таким действием. Но то, что произошло в ее комнате, вышло за рамки политики. Это было личное. Это была битва двух волей, и я победил, применив самое грубое оружие - свою физическую силу против ее слабости. И это было недостойно.

В дверь тихо постучали.

- Войди.

На пороге появился Хаким. Его лицо было, как всегда, непроницаемо, но я знал, что он все знает. Слухи в Амергархе распространяются быстрее чумы.

- Повелитель, - начал он ровным голосом. - Старшая рани Васундхара просит разрешения вас видеть.

Васундхара. Конечно. Она не упустит возможности узнать все из первых уст и, возможно, вставить свою шпильку.

- Скажи ей, что я занят. Приму ее вечером, - отрезал я. Мне не хотелось сейчас видеть ее хитрые, всезнающие глаза.

Хаким поклонился.

- Как прикажете. Есть еще одно. Служанка княжны Нилавати, Амрита, передала ее просьбу.

Я напрягся. Новая дерзость? Новое условие?

- Говори.

- Княжна просит книгу.

Я замер, не веря своим ушам.

- Книгу?

- Да, повелитель. Стихи или священные тексты. Любую.

Эта просьба была настолько неожиданной, что выбила меня из колеи. Я ожидал чего угодно: просьбы о встрече с посланником отца, жалоб на условия, даже требования прислать яд. Но не книгу. Женщины в зенане просили ткани, драгоценности, сладости. Книги интересовали лишь придворных мудрецов и писцов.

Она снова удивила меня. Даже сломленная, она думала не о телесном комфорте, а о пище для ума. Она хотела сбежать из своей темницы единственным доступным ей способом - в мир слов и историй. И в этом было столько... достоинства. Столько несломленной внутренней силы.

- Она поела? - спросил я, хотя уже знал ответ. Хаким не стал бы передавать ее просьбу, если бы она не выполнила мой приказ.

- Да, повелитель. Она съела все, что ей принесли.

Я отвернулся к резной балюстраде балкона. Так, значит, она подчинилась. Но не сдалась. Она лишь сменила тактику. Это было... интересно. Эта девушка была не так проста.

- Хорошо, - произнес я после долгого молчания. - В моей библиотеке есть рукопись "*Рамаяны*" с прекрасными иллюстрациями. Отнеси ее княжне. И передай Амрите, чтобы

княжне каждый день приносили свежие цветы из моих садов. И проследи, чтобы еда для нее была самой лучшей.

Хаким на мгновение замешкался, удивленный моими приказами. Я никогда прежде не проявлял такой заботы ни об одной из женщин гарема, даже о Васундхаре.

- Будет исполнено, повелитель.

Когда он ушел, я еще долго стоял на балконе, глядя на заходящее солнце. Мое раздражение сменилось сложным чувством, похожим на уважение. Она не просто красивый трофей. Она - достойный противник. И наша война переходит на новый уровень. Больше не будет грубой силы. Я буду действовать иначе.

Я завоюю ее покорность не угрозами, а своей щедростью. Я окружу ее такой заботой, что стены ее ненависти начнут давать трещины. Я покажу ей, что плен у Ишвара Сингха может быть слаще свободы рядом с ее отцом-интриганом.

И когда-нибудь, глядя в ее синие глаза, я хочу увидеть не ненависть и страх, а что-то другое. Что именно, я и сам пока не знал. Но мысль об этом внезапно стала самой важной целью из всех, что стояли передо мной.

Глава 8. Книга и цветы. Нилавати

Я сидела на диванчике, и пустота во мне постепенно заполнялась. Не радостью, нет. Но чем-то похожим на покой. Еда, принятая моим телом, погасила огонь голода, а вместе с ним ушла и часть той острой, режущей ненависти, которая была моим единственным топливом. На ее месте осталась холодная, тяжелая горечь поражения. Я подчинилась.

День тянулся в тишине, нарушаемой лишь далекими звуками жизни крепости. Я не знала, чего ждать. Нового визита? Новых унижений? Но вместо этого в мою дверь снова вошла Амрита, а за ней служанки. И то, что они принесли, заставило меня замереть.

Это не была еда. Одна из девушек несла огромный медный поднос, уставленный маленькими глиняными вазочками, а в них - цветы. Яркие, оранжевые бархатцы, чей терпкий запах напоминал о храмовых праздниках. Белоснежные, пьянящие соцветия жасмина. Несколько веточек туберозы, чей аромат был так сладок, что кружилась голова. Их принесли и расставили по всей комнате: на столике, на подоконнике, у изножья моего ложа. Моя серая каменная клетка вдруг наполнилась цветом и жизнью.

Я смотрела на это молча, не в силах понять. Что это? Насмешка? Новая, изощренная пытка - напоминать о красоте мира, которого я лишена?

Но это было не все. Следом за цветами Хаким, главный евнух с лицом из камня, лично внес в комнату предмет, завернутый в тонкий шелк. Он молча положил его на диван рядом со мной, поклонился и так же молча удалился. Его присутствие было коротким, но значимым. Махараджа послал своего самого доверенного слугу.

Мои пальцы дрожали, когда я коснулась шелковой ткани. Развернув ее, я ахнула. Это была книга. Не просто свиток, а настоящая рукописная книга в переплете из тисненой кожи. Я открыла ее. Страницы из тончайшей пальмовой бумаги были исписаны ровным, каллиграфическим почерком. Это была "*Рамаяна*". И на каждой странице, вокруг текста, вились изумительные миниатюры, нарисованные яркими, живыми красками: вот Рама натягивает свой могучий лук, вот прекрасная Сита в саду Ашоки, вот верный Хануман перелетает через океан.

Я провела кончиком пальца по изображению Ситы. Она тоже была пленницей, томящейся вдали от мужа и дома, окруженная врагами. И в этот миг, глядя на ее лицо, исполненное печали и достоинства, я почувствовала нечто вроде

родства.

- Это... - Амрита, стоявшая рядом, тоже смотрела на книгу с благоговением. - Это сокровище, княжна. Такая рукопись стоит целое состояние. В библиотеке махараджи немного таких.

Ее слова повисли в воздухе, наполненном ароматом цветов.

Цветы. Книга. Ответ на мою единственную просьбу.

Что это значит?

Мой разум, привыкший к ненависти, отчаянно искал подвох. Он хочет усыпить мою бдительность. Он хочет купить мою покорность. Клетка, позолоченная добротой, остается клеткой. Он сломал меня силой, а теперь пытается приручить, как дикого зверька, бросая ему лакомые куски.

Но сердце... сердце говорило иное. Цветы пахли домом. Книга обещала спасение от тоски и одиночества. В этих дарах не было грубой силы, не было принуждения. Было что-то еще. Что-то, чего я не могла понять. Он услышал мою просьбу. Он, жестокий варвар, убийца и мой похититель, услышал тихий шепот своей пленницы и ответил на него.

Это осознание сбивало с толку, рушило простую и ясную картину мира, где он был абсолютным злом, а я - его невинной жертвой. Все оказалось сложнее.

- Оставить вам книгу, княжна? - осторожно спросила Амрита.

Я медленно кивнула, не отрывая взгляда от страниц.

- Да. Оставь.

Когда служанки ушли, я осталась одна в благоухающей комнате. Я села у окна, положив книгу на колени. Я не стала ее читать. Я просто смотрела на искусные рисунки, вдыхала аромат жасмина и думала.

Он не пришел сам. Он не требовал благодарности. Он просто прислал свои дары. Это был его ответ. Безмолвный, но красноречивый. Он словно говорил: "Я могу быть не только жестоким. Я могу быть и щедрым. Выбирай, какого Ишвара ты хочешь видеть".

Я прикрыла глаза. Ненависть все еще жила во мне, она никуда не делась. Но рядом с ней, как робкий цветок, пробивающийся сквозь камни, появилось что-то новое. Недо-

верие. Любопытство. И крошечная, неосознанная капля чего-то похожего на благодарность. Я ненавидела себя за это чувство, но оно было.

Это было хрупкое, едва наметившееся перемирие. Не между ним и мной. А между моей гордостью и моим желанием выжить. Я буду читать его книгу. Я буду вдыхать аромат его цветов. Я буду принимать его дары, но помнить, что это - цена моего плена. И однажды я заставлю его заплатить свою цену.

Глава 9. Ревность Васундхары. Ишвар

Новости из зенаны достигли меня раньше, чем официальный доклад Хакима. Дворец - это огромный улей, и любой необычный поступок махараджи вызывает в нем гудение. Отправка в покои пленницы цветов из моего личного сада и, что еще более неслыханно, одной из жемчужин моей библиотеки, вызвала волну шепота в шелковых коридорах.

Я сидел на диване-кхас, выслушивая доклады о передвижении караванов на южной границе, но мысли мои были далеко. Я ждал. Ждал реакции. Откажется ли она от моих даров, как отказалась от еды и одежды? Выбросит ли цветы? Вернет ли книгу нетронутой? Каждый из этих вариантов был бы объявлением войны.

Именно в этот момент в зал вошла Васундхара. Она не просила аудиенции, зная, что я не откажу ей в присутствии моих советников - так ее визит выглядел менее личным. Она двигалась с обычной грацией хищницы, одетая в сари цвета шафрана, которое подчеркивало ее смуглую кожу и черные волосы. Она поклонилась с идеальной покорностью, но в ее глазах я видел холодный огонь.

- Повелитель, - ее голос был сладок, как мед. - Простите, что прерываю ваши государственные дела. Но сердце мое беспокоится.

Я жестом отпустил советников. Они удалились, бросая на рани любопытные и опасливые взгляды. Мы остались одни.

- Что тревожит твое сердце, Васундхара? - спросил я, прекрасно зная ответ.

- По дворцу ползут слухи, - начала она, подойдя ближе. - Говорят, ваша милость к дочери нашего врага не знает границ. Цветы... редчайшие рукописи... Люди шепчутся, что пленница околдовала вас своими синими глазами. Что вы забыли о чести и мести.

Ее слова были облечены в форму заботы, но каждое из них было иголкой, нацеленной в мое самолюбие. Она намекала, что я теряю лицо, становлюсь слабым и ведомым.

- Люди всегда шепчутся, - ответил я холодно, не отрывая взгляда от ее лица. - Это их единственное развлечение. А то, что я делаю с моей... собственностью, касается только меня.

Акцент на последнем слове заставил ее на миг вздрогнуть.

- Но она - дочь Махендры! Она - змея, которую вы пригнали на груди. Сегодня вы дарите ей книги, а завтра она вонзит кинжал в вашу спину!

- Если она попытается, - я медленно поднялся, нависая над ней, - ее ждет быстрая и очень мучительная смерть. Как и любого, кто посмеет поднять на меня руку. Но пока она здесь, она под моей защитой. И любой, кто попытается причинить ей вред, - я сделал паузу, глядя ей прямо в глаза, - ответит мне лично. Ты меня поняла, Васундхара?

В ее глазах мелькнул страх, смешанный со злостью. Она поняла. Это было предупреждение не только для нее, но и для всех обитательниц зенаны. Никто не тронет мою пленницу.

- Я лишь беспокоюсь о вас, мой повелитель, - прошептала она, опуская глаза.

- Твое беспокойство излишне. Можешь идти.

Она поклонилась и вышла, оставив после себя шлейф тяжелых духов и еще более тяжелого напряжения. Я знал, что не убедил ее. Я лишь заставил ее затаиться. Ревность - страшная сила, и Васундхара была очень ревнива. Не ко мне

как к мужчине, а к моей власти и моему вниманию. Нилавати стала угрозой ее статусу.

Вскоре после ее ухода появился Хаким.

- Повелитель.

- Говори.

- Княжна приняла дары. Цветы расставлены в ее покоях. Книгу она держит при себе. Она... читает.

Победа. Тихая, но оттого не менее сладкая. Она приняла мое перемирие. Она сделала шаг мне навстречу, пусть и неохотно. Я почувствовал укол странного удовлетворения, куда более сильного, чем то, что я испытал, сломив ее силой.

- Она что-нибудь сказала?

- Ни слова, повелитель. Лишь поблагодарила служанку.

И это было правильно. Благодарить меня было бы унижением для нее. А молчаливое принятие - знаком достоинства. Она все делала правильно.

- Хорошо, - сказал я. - Продолжайте наблюдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.